Александр Ройко

Связь времён

Часть 1

Полтава–2013

Александр Ройко

Связь времён. Часть 1

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ройко А.

Связь времён. Часть 1 / А. Ройко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-89-000844-7

Образ военного, а тем более офицера ассоциируется с безукоризненным внешним видом, подтянутостью, хорошими манерами, благородством, мужеством, стойкостью, отсутствием эгоизма. Преданность Отчизне, честь, порядочность, товарищество, бескорыстное исполнение долга, защита слабых — всё это в былой России было обязательными качествами русского офицера. Эти качества передавались с семейными традициями военных династий и воспитывались в кадетских корпусах. Офицер — это рыцарь чести, защитник доброго имени своего народа. Русский офицер должен быть прост, прямолинеен, бесстрашен, обладать духовным аристократизмом. Во все времена славное сословие защитников Отечества вызывало в обществе уважение и восхищение. Говорят, что быть военным — это образ жизни, быть офицером — мировоззрение. Наряду с прямолинейностью, бесстрашием и верностью долгу офицеры вроде бы лишены ненужной сентиментальности. Но это вовсе не означает, что им не свойственны такие человеческие качества как доброта, любовь и забота о ближних, любовь к матери. В этом ряду можно особо выделить любовь к женщине, ради которой многие мужчины, и не только военные, готовы совершать подвиги. Такая любовь, ради которой человек готов к самопожертвованию, и порой вполне осознанно идёт на него. Самопожертвование — это признак настоящей, вечной любви, которая не терпит расчёта и условий. В повести идёт речь о последствиях такого самоотречения, которое наложило свой след и на будущее. Многие события в повести происходят во время каких — либо военных действий. Но это не книга о войне, военные события в ней являются только некой панорамой, на ореоле которой складываются человеческие отношения. Просто на фоне военных событий более ярко и, главное, правдивее, честнее раскрываются человеческие характеры. Война является как бы лакмусовой бумагой по отношению к конкретному индивидууму — ты или герой или же трус, ты

или честный или же подлец. На войне нет промежуточных состояний, есть только «плюс» и «минус». Она также привносит определённый отпечаток и на последующие времена и даже события. Тем, кто ждём описаний кровавых баталий, придётся разочароваться — эта книга не о войне, это роман о любви, о большой преданной любви.

ISBN 978-0-89-000844-7

© Ройко А.
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 13
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Александр Ройко
Связь времён
Часть 1. Из окопа в окоп

Любящим сердцам и душам посвящается

Окопы, окопы – заблудишься тут!
От старой Европы остался лоскут.

Анна Ахматова

Глава 1
С прибытием!

Осень 1915-го года мало чем отличалась от своих предыдущих подруг: один день солнце, два дня дождь, три дня пасмурно, потом снова солнце, а далее опять-таки дождь. Однако в последнее время, как всем казалось, дожди, хотя и кратковременные, явно преобладали, и основательно надоели. Конечно, в городе на эти капризы природы мало кто обращал внимание, но здесь они очень хорошо чувствовались – выбрать сухое, без заметной грязи место было не так-то просто. Но шедший по траншее штабс-капитан именно это пытался делать. Не хотелось ему основательно испачкать свои начищенные до блеска новые сапоги. А новыми были не только они, но и всё его обмундирование. Да и сам офицер, довольно моложавый, смотрелся как на картинке: вероятно, новый мундир (известный как *френч* или *китель*) его владелец надел всего лишь несколько дней назад, и был тот хорошо подогнан по его спортивной фигуре. Правда, это была не походно-парадная форма – война заставила генералов и офицеров отказаться от парадной формы одежды и перейти на кители и гимнастерки с полевыми погонами, защитного цвета фуражки и солдатские шинели. Вот и у штабс-капитана погоны были мягкие, плотно пришитые к мундиру. Штаны, обычно именуемые *шароварами* (а позже – галифе) – плотно заправлены в стандартного типа сапоги: с более высокой передней частью. Стандартной была и его полевая фуражка: высокий околыш и низкая тулья, маленький козырёк, пришитый чуть ли не вертикально. На фуражке красовалась общевойсковая кокарда (именуемая в народе «мишенью»): металлический, с рифлёной окантовкой трёхцветный (с набором белого, желтого и чёрного цвета) овал, – на парадной форме эти цвета были бы серебряным, золотым и чёрным. Белый галун на рукаве кителя (френча) указывал на принадлежность офицера к пехотному роду войск. Через левое плечо штабс-капитана за спину был перекинут вещевой мешок, который он слегка придерживал рукой.

Попадавшиеся на пути штабс-капитана нижние чины отдавали ему честь, смотря на этого красавчика с нескрываемым удивлением – в тяжёлых условиях войны давно не видели такого щёголя. Но офицер не был щёголем, просто он шёл представляться по новому для него месту службы командиру полка, а потому хотел выглядеть должным образом: так ему и подобным внушали ещё в юнкерском училище – ни в коем случае не марать честь офицера великой русской армии. В данном случае словосочетание *не марать* слишком уж косвенно относилось к чести, только разве что к обмундированию, но он просто не привык выглядеть в чужих глазах замарахой, будь это даже военная, фронтовая обстановка. Поэтому офицер, с отличной выправкой, в полный рост, не наклоняясь, шёл по стрелковой траншее – этому способствовал отрытый в полный профиль ход, практически в два метра, чтобы даже высокорослым бойцам не очень доводилось гнуться под выстрелами неприятеля. В большинстве своём стенки окопа были неплохо укреплены (досками, хворостом или мешками с песком), а сама траншея довольно широка, поэтому опасаться за состояние мундира не приходилось. А вот сапоги… После дождей в глинистом ходе, кое-где с уложенными досками, было местами грязно и скользко. А штабс-капитан очень уж не любил грязной обуви. Конечно, во время боёв, и уж особенно при наступательных операциях ему, как и всем, было не до такой щепетильности. В таких случаях не только сапогам нужно было придавать прежний вид, но и всё обмундирование часто доводилось и стирать, и штопать, а нередко и просто менять. Сейчас же, как он понимал, никаких военных действий не происходило, наступило временное затишье, а потому можно и нужно было выглядеть нормально, особенно при первой встрече со своим будущим высшим начальством.

И вот он был уже у своей намеченной цели – впереди виднелся, указанный по пути солдатами, блиндаж командира полка. Он был перекрыт брёвнами в три наката, стянутых проволокой, чтобы их не могли разрушить мины или среднего калибра снаряды. Офицер подошёл к блиндажу, вяло козырнул в ответ на приветствие вытянувшего в струнку солдата, постучал в неотёсанную дверь, приоткрыл её и, слегка пригнувшись (чтобы не задеть фуражкой за косяк), вошёл вовнутрь. В углу блиндажа за небольшим столиком сидел унтер-офицер (возможно, ординарец, но скорее всего, просто порученец) и при свете гильзовой коптилки просматривал какие-то бумаги. При виде вошедшего он неторопливо поднялся и лениво поприветствовал штабс-капитана:

– Здравия желаю! – без добавления «*ваше благородие*» или хотя бы искажённого нижними чинами «*ваш бродь*», как было принято обращаться к офицеру этой категории чинов. Сидел он за столиком без фуражки, а потому честь не отдавал.

– Доложите командиру о моём прибытии, – недовольно бросил прибывший, поняв, что на тёпленьком месте возле командира ординарец (или посыльный) просто разленился и излишне возомнил о себе. Он не стал делать унтер-офицеру замечание, хотя и имел на то право.

Унтер-офицер скрылся в небольшом проёме за плотной суконной занавесью, отделявшей его каптёрку. Через минуту он вернулся:

– Проходите.

Штабс-капитан, снял вещмешок, оставил его у столика ординарца, поправил своё обмундирование и вошёл в основное помещение блиндажа. За столом сидел полковник (вероятно, командир полка), а сбоку стола стоял какой-то подполковник. Полковник тоже поднялся из-за стола, когда штабс-капитан вошёл в блиндаж. Теперь уже прибывший (как ранее солдаты в траншее) вытянулся в струну, чётко вскинул руку к головному убору и так же чётко отрапортовал:

– Господин полковник! Штабс-капитан Комаров прибыл для прохождения дальнейшей службы.

Владелец блиндажа, слегка полноватый, но, тем не менее, довольно подтянутый полковник с чёрной бородкой ответил на его приветствие и произнёс:

– Проходите! С прибытием вас! – И, когда Комаров подошёл к столу, протянул руку. – Будем знакомы. Алексей Иванович Городницкий.

– Анатолий Григорьевич, – представился в ответ штабс-капитан, и офицеры обменялись рукопожатием.

– Знакомьтесь. Это начальник штаба, Нестеров Николай Петрович, – указал он головой на подполковника. – Нестеров и Комаров тоже обменялись рукопожатием. А вот начальник штаба был лет на пять младше командира полка и суховатый по фигуре. Бороды у него не имелось, зато были пышные усы, ставшие очень популярными с начала войны.

Штабс-капитан вынул из нагрудного кармана френча какую-то бумагу и протянул её командиру полка. Полковник мельком взглянул на неё и положил на стол.

– Хорошо, ваше предписание я посмотрю позже. А сейчас давайте просто побеседуем. Присаживайтесь, – указал на одну из табуреток, сколоченных из досок наверняка умельцами-солдатами. Сам он отодвинул в сторону лежавшую до того посреди стола карту и внимательно смотрел на вновь прибывшего. Начальник штаба тоже присел сбоку от стола.

Анатолий потянулся к табуретке, поставил её неподалёку от стола и присел. Он снял свою фуражку, – старшие офицеры тоже были без фуражек, – и положил её себе на колени.

– Чин у вас относительно немалый, – начал разговор Городницкий, – для ваших лет, я имею в виду, а потому я понимаю, что вы кадровый офицер и в армии уже достаточно давно.

Да, у нового офицера это был уже четвёртый (из 5-и) обер-офицерский чин (после прапорщика, подпоручика, поручика). Далее в этой категории следовал только чин капитана. А потом уже шли штабс-офицерские чины (подполковник, полковник) и генеральские.

– Так точно! – вскочил Комаров.

Одновремённо с ответом штабс-капитана звук разорвавшегося, очевидно, неподалёку снаряда почти заглушил его слова.

– Сидите, – махнул ему рукой Городницкий. – Я вот только не могу понять, глядя на вашу форму, – принимали ли вы непосредственное участие в боевых действиях?

– Так точно! Принимал.

– И как давно?

– С сентября прошлого года.

– О! Практически с самого начала войны?

– Так точно!

– Так, Анатолий Григорьевич, давайте без этих *Так точно*! Давайте просто побеседуем как офицеры, теперь уже все мы сослуживцы. А с этими *так точно* никакой беседы не получится. Хорошо?

– Так точно! – но тут же, улыбнувшись, Анатолий исправился, – хорошо.

– Теперь я вижу, что вы боевой офицер. Заметил, что вы и глазом не моргнули при разрыве снаряда. А бывшие тыловики в таких случаях вздрагивают, съёживаются или даже вообще пригибаются, как будто снаряд в метре от них разорвался. Вот так и живём, шалят немного немцы – постреливают. Но вы к такому, как я вижу, привычны.

– Привычен. И не к такому тоже.

– Как это?

– Приходилось слышать, да и видеть, разрывы куда страшнее.

– И…?

– Я до этого служил на Северо-Западном фронте. И вот как раз там наших бойцов тётушка Берта угощала своими пирожками.

– Большая Берта? – с уважением спросил молчавший до того подполковник.

– Именно она.

«Большая Берта», иногда «Толстушка Берта» была немецкой 420-мм мортирой, разработанной и построенной на заводах Круппа. Вот только Комаров неверно назвал её тётушкой, скорее эту страшную мортиру нужно было называть *девочкой* или *внучкой*. Дело в том, что эта пушка была названа таким именем в честь внучки Альфреда Круппа, «пушечного короля».

«Большая Берта» предназначалась для разрушения особо прочных фортификационных сооружений. Её скорострельность составляла всего лишь один выстрел в 8 минут, но зато дальность полета 900-кг снаряда составляла 14 км. Да и все её типы используемых снарядов обладали огромной разрушительной силой. Фугасный снаряд при взрыве образовывал воронку глубиной 4,25 метра и диаметром 10,5 метра. Осколочный же снаряд имел 15.000 кусков смертоносного металла, сохранявших убойную силу на расстоянии до 2-х километров.

– Слышал о ней. И, слава Господу, что пока только слышал. Но немцы вроде бы применяют «Берту» при осаде хорошо укреплённых французских и бельгийских крепостей. А где же вы с ней столкнулись?

– При обороне Ковенской крепости.

– Вот оно что! Слышал эту печальную историю. И как только немцам удалось взять такой хорошо укреплённый бастион? Но Большая Берта наверняка здорово там отличилась?

Подполковник не задавал эти риторические вопросы, он, по большому счёту, просто рассуждал. Но Комаров, всё же, частично ответил на эти вопросы:

– И «Берта» отличилась, и наши промахи, наверное, были. Я, конечно, всего не знаю. Я служил не в самой крепости, а в 10-й армии генерала от инфантерии Радкевича. Мы были на подступах к крепости, а чуть позже, в августе-сентябре я участвовал в Виленском сражении. Как раз в сентябре я и был серьёзно ранен, попал в госпиталь. А после госпиталя и направлен к вам. Так вот, немцы начали атаковать Ковенскую крепость 25-го июля, через несколько дней

подключилась и «Берта». Под её артобстрел я, слава Господу, не попал, но в действии видел, и слышал. В течении семи дней защитники крепости упорно сопротивлялись, но понесли очень большие потери. Поэтому 2-го августа часть наших войск оставили свои позиции, и отошли на линию фортов. И артиллерия фортов ещё активно оборонялась, однако вскоре практически все орудия была выведены из строя. А уже 18-го августа немцы заняли Ковно, а 19-го сентября – Вильно, – позже этот город станет называться Вильнюсом.

– Понятно, – удручённо покачал головой уже Городницкий. – Да, Ковенскую крепость жалко, как и погибших бойцов. Но, война есть война.

Ковенская крепость начала строиться (по указу императора Александр II) ещё в 1879-м году в черте города Ковно (или Ковна), а завершалось строительство практически только в начале этого века. Причиной строительства, скорее всего, послужило то обстоятельство, что через Ковно проходила железнодорожная ветка Санкт-Петербург – Варшава, а сам город находился на стратегическом направлении возможных наступлений противника на Ригу и Вильнюс. Следовательно, Ковно мог играть ключевую роль для безопасности российских западных рубежей. Через 4 года Ковно переименуется в Каунас, который будет вторым по величине и значению городом Литвы, а на некоторое время (в течение 20 лет) он даже станет временной столицей Литовской Республики.

– Ладно, – продолжил полковник, снова взяв инициативу в свои руки. – Пойдёмте дальше. Боевые награды имеете?

– Имею. Орден Святого Георгия 4-й степени и орден Святой Анны, тоже 4-й степени.

Орден Святого Георгия был боевой наградой, которой мог быть удостоен офицер за личную доблесть в бою, и заслуги. Имел четыре степени отличия. Символ ордена – всадник, поражающий копьём дракона, это было олицетворение мужественного воина, способного отстоять свою землю от врагов. Издавна на Руси этот образ связывался с легендарным Георгием Победоносцем. Орден Святой Анны тоже имел четыре степени отличия. Орден Святой Анны состоял из креста, ленты и звезды. Крест обычно изготавливался из золота, а в его центр размещалось изображение святой.

– Даже так! Отлично! Вот и наглядное подтверждение тому, что вы боевой офицер. За какие подвиги их получили?

– За храбрость в боях на фронтах Мировой войны.

На самом деле, необходимо отметить для уточнения, что свою первую награду, орден Святой Анны 4-й степени, Комаров получил ещё в ноябре 1914-го года за захват вражеских пулемётов. В то время он был поручиком, а потому тут же по статуту ордена был произведён в штабс-капитаны. Позже, в феврале уже 1915-го года за особое отличие в штыковом бою Анатолий получил Орден Святого Георгия 4-й степени.

– Понятно, – улыбнулся полковник. – Не хотите конкретно расписывать свою храбрость. Другой на вашем месте похвастался бы. Ну, что ж, похвально. Поздравляю вас с высокими наградами. – Но тут же сурово спросил, – почему не носите их?

– Но, господин полковник, не на парад же я прибыл. Да и холодного оружия при мне сейчас не имеется, – крест ордена Святой Анны 4-й степени носился на эфесе холодного оружия.

– Есть указ носить такие награды во всех случаях. Или вы не знаете этого?

– Знаю. Но не хотелось форсить.

– Это не форс! Это порядок, и заслуга офицера. К тому же сразу видно, что обладатель наград боевой офицер, побывавший в переделках и отличившийся в боях по защите Отечества. Завтра утром будете знакомиться со своим подразделением, и чтобы обязательно были хотя бы при ордене Святого Георгия. Всё понятно?

– Так точно! – уже вновь по-армейски ответил Анатолий на замечание Городницкого о боевых наградах, учитывая серьёзность разговора и приказной тон командира полка.

– А теперь следующий вопрос к вам: какова ваша последняя воинская должность? Вашего послужного списка у нас пока что нет. Как это в последнее время всё чаще стало случаться, документы на человека прибывают к нам позже, нежели он сам.

– Последняя должность – командир роты. Правда, недолго – ранение, госпиталь.

– Хорошо. А теперь о вашем назначении. Нас здесь немцы тоже недавно здорово потрепали. А потому мы с радостью принимаем любое пополнение. Как штабс-капитан вы как раз и планировались бы на должность командира роты, или заместителя командира батальона. Однако у нас три дня назад погиб командир 2-го батальона – попал под случайный, просто плановый, можно сказать, немецкий артобстрел. Немцы в этом вопросе педанты, снарядов у них хватает, вот и палят регулярно наугад. Вот как недавно. – За время беседы ещё дважды слышался звук разрывающихся снарядов, но уже подальше. – Так что придётся, вероятно, вам, Анатолий Григорьевич принимать батальон. Выше званием в вашем подразделении, теперь уже в **вашем**, – выделил он, – офицеров нет. Да и боевой опыт у многих меньше, нежели у вас. Ротация у нас за год войны была немалая. Как вы на это смотрите, Николай Петрович? – Городницкий повернулся в сторону начальника штаба. – Справится он?

– Отношусь положительно. Я думаю, что кадровый офицер с таким боевым опытом вполне справится с батальоном.

– Отлично! – и вновь уже в сторону Комарова. – В общем, принимайте, штабс-капитан, завтра под своё командование второй батальон.

– Слушаюсь!

– Но, сразу спешу вас огорчить. Это только название вашего будущего подразделения – батальон. А по численности он сейчас сродни роте. В вашем теперешнем батальоне после последних боёв осталось примерно 300 с хвостиком штыков. Немалое, конечно, подразделение, но, всё же, по составу больше похожее на роту. Или на что-то среднее. Кандидатуру своего заместителя подберёте сами. Конечно, мы с вами, и с начальником штаба, этот вопрос ещё обсудим – после вашего ознакомления с офицерским корпусом.

Численность такой самостоятельная войсковой единицы как батальон могла доходить и до 800 человек, а вот стрелковой роты – чаще всего от 60 до 100 человек.

– Всё ясно, господин полковник. Есть, принять под своё командование второй батальон. Не важно, какой численности подразделение мне достаётся, Алексей Иванович. Ещё Александр Васильевич Суворов утверждал, что «воюют не числом, а умением».

– Вот это ответ настоящего боевого офицера! – улыбнулся полковник, удовлетворённо потирая руки. Я думаю, – реплика в сторону начальника штаба, – что наше решение верное, и мы с этим бравым штабс-капитаном будем хорошо бить немцев.

Нестеров, тоже улыбнувшись, только согласно кивнул головой.

– Так, на первый раз основные вопросы мы с вами обсудили, – перешёл на серьёзный тон Городницкий. – Сейчас вы можете отправляться в своё расположение и отдыхать, знакомиться с вашими подчинёнными. Я имею в виду офицеров вашего батальона, потому что с нижними чинами вы познакомитесь завтра. Встречаемся завтра в 8:00 у моего блиндажа, и после этого идём во второй батальон. Так, сейчас я дам указание посыльному, найти человека, который проводит вас.

– Алексей Иванович, – вклинился в разговор начальник штаба. – Как я понял, мы с вами все вопросы тоже уже обсудили? Я имею в виду те, которые мы обсуждали до прибытия штабс-капитана.

– Я тоже думаю, что к ним мы уже возвращаться не будем. Так что вы тоже свободны, Николай Петрович.

– Тогда, наверное, не нужно давать никакого задания посыльному. Я сам провожу господина Комарова в его расположение, покажу ему его «берлогу», – вновь улыбнулся он, – и познакомлю с офицерами батальона, если таковые будут на месте. Да и с офицерами из других

подразделений, которые могут попасться по пути. Пусть сразу втягивается в большой и непростой коллектив. А я ещё пройду по некоторым позициям, да по пути ещё немного побеседую со штабс-капитаном.

– Отлично! Хорошее решение, действуйте.

– Разрешите идти? – Нестеров поднялся с табуретки, за ним вскочил и Комаров.

– Идите!

Нестеров и Комаров надели фуражки, отдали честь полковнику и направились к выходу из командирского блиндажа.

Так началась служба Анатолия Григорьевича Комарова на новом для него месте. Впрочем, к перемене мест ему было не привыкать.

Глава 2
По стопам отца

Следует отметить, что Комаров действительно был молод – только через 1,5 месяца (сейчас шла вторая половина октября) ему должно было исполниться 26 лет. Не так уж и много для его теперешнего звания, и это тоже, наверное, удивляло попадавшихся на его пути солдат. Однако пошёл уже десятый год, как Анатолий надел военную форму, пусть и не сразу офицерскую. Военная служба была для него как бы семейной преемственностью. И его дед, и его отец верно служили России под её трёхцветными знамёнами. Отцу Анатолия за то время, как подрастал его сын, пришлось трижды менять районы своей службы. Переезжала на новые места и его семья, правда, на последний свой рубеж, а он для отца действительно стал последним, Григорий Павлович Комаров поехал один. Таковым стал Дальний Восток.

Но ещё до этого, пожалуй, с самых детских лет, Анатолий твёрдо решил, что пойдёт по стопам своего папы. Ему нравилось вместе с отцом бывать в гарнизонах, смотреть, как тренируются солдаты, и особенно посещать разные смотры и парады.

– Ну, что сынок, кем ты хочешь стать, когда вырастишь? – иногда спрашивал его отец.

И ответ сына был всегда неизменным:

– Военным, офицером.

В 1898-м году, в возрасте 7,5 лет, он поступил в гимназию, а в 12 лет уже твёрдо решил, что после гимназии будет поступать в юнкерское училище. В это время отец получил предписание прибыть к новому месту службы – в Порт-Артур, где к тому времени была построена (по проекту военного инженера К. Величко) Порт-Артурская крепость. Ранее это был китайский город Люйшунь, вошедший потом в историю Японии и России (последняя получила права на аренду Порт-Артура и Ляодунского полуострова сроком на 25 лет).

И вот перед отъездом отца Анатолий пообещал тому, что будет точно поступать в юнкерское училище. Семью отец решил с собой не брать – и далеко, и неизвестно, каковы там условия, да и детям нужно учиться (у Анатолия ещё была младшая сестричка) – что их дёргать с места на место. И семья осталась проживать в Воронеже, по прежнему месту службы отца. И вот через время из газетных сообщений они узнали, что 19 августа 1904-го года японцы начали штурм Порт-Артурской крепости, а ещё через месяц семье пришло сообщение, что подполковник Григорий Павлович Комаров погиб, геройски защищая крепость (во время второго штурма японцев). Немногим позже семье передали личные вещи главы семейства, в том числе и боевые награды. И была среди них и одна новая (которую ранее Анатолий не видел) – серебряная (для награждения офицерского состава) медаль «*За оборону Порт-Артура*», которой был награждён его отец. Выполнена она была в виде креста, концы которого были уширены на манер Георгиевского, но со скрещёнными в центре мечами (рукоятями вниз); в розетке, стилизованной под шестибастионный многоугольник крепости. На белой эмали розетки был ещё изображен чёрный силуэт эскадренного броненосца с хорошо различимыми бортовыми орудиями. На двух горизонтальных концах креста были размещены крупные выпуклые надписи: на левом – «ПОРТЬ», на правом – «АРТУРЪ».

Сразу как-то повзрослевший и ставший более серьёзным Толик повесил награду отца над своим учебным столом и часто на неё смотрел. Теперь, как сказал сам себе Комаров младший, он уже не имеет никакого права менять своё решение и слово, данное отцу. Он твёрдо решил, что станет кадровым военным.

На следующий год он успешно окончил гимназию, с 1875-го года гимназии стали восьмиклассными. Правда, и ранее они фактически были таковыми, только считались 7-классными (но седьмой класс был с двумя годичными отделениями). В этот год поступить ему в юнкерское

училище не удалось по простой причине – к приёму в училища допускались молодые люди всех сословий, но достигшие 16-летнего возраста. Анатолий до этого возраста не дотягивал какие-то три с хвостиком месяца (родился в начале декабря). Но свою мечту он успешно осуществил уже в следующем году. На восток от Воронежа было расположено известное Анатолию (по рассказам отца) казанское пехотное юнкерское училище. На юго-востоке было Тифлисское училище (но к нему, всё же, было дальше, да и не тянуло почему-то Толю на Кавказ), а вот юго-западнее (значительно ближе) – Чугуевское (в Харьковской губернии).

И сначала Комаров планировал поступать именно в Чугуевское училище (36 вёрст на юго-восток от Харькова), которое было сформировано в сентябре 1865-го года для подготовки офицерских кадров для Харьковского военного округа. Это училище, будучи расположенным вдали от шумных и пыльных губернских городов (в тихом патриархальном местечке – родина Ильи Ефимовича Репина – с населением менее 14.000 человек), было лишено многих соблазнов, присущих крупным городам. Но зато училище славилось своими балами, которые проходили несколько раз в году. И, хотя обучение юнкеров танцам не входило в программу, руководство училища ввело его как обязательный предмет (приглашался танцмейстер из Харькова).

Анатолий долго раздумывал над местами своей будущей учёбы, но, всё же, в итоге выбрал для обучения Казанское юнкерское пехотное училище, и решил поступать именно туда. Несмотря даже на то, что расстояние от Воронежа до Чугуева было чуть ли не втрое меньше, нежели до Казани (260 вёрст против 740). Это было очень хорошее училище (основанное годом позже Чугуевского), и подтверждалось сие тем фактом, что в год его окончания Анатолием (1909-й) оно трансформировалось уже просто в военное училище. При этом двухэтажный корпус Юнкерского училища с его высокими помещениями (этажи соединялись сложными трёхмаршевыми лестничными пролётами) находился в западной части Казанского кремля. Ранее помещения училища служили казармами военной школы. И, если Чугуевское училище будет расформировано в декабре 1918-го года, то Казанское военное училище, претерпев множество реформаций (пехотные командные курсы – командная школа – пехотное училище – танковое училище – танко-техническое училище – филиал танкового института – высшее военное командное училище) будет проводить подготовку военных кадров и в XXI-м веке.

Комаров успешно поступил в училище (ещё и как сын кадрового офицера, погибшего при защите Отечества), и учился очень хорошо. А потому по окончанию училища он имел право на присвоение ему (по первому разряду) воинского звания *подпоручик* (минуя первый обер-офицерский чин – прапорщик). А далее *поручик* и вот теперь уже *штабс-капитан*. За год до начала войны Анатолий имел уже звание поручика, а ещё через 2 года, как упоминалось, получил следующее звание.

До первой мировой войны Анатолию Комарову довелось служить на востоке России, получил он направление в 3-й сибирский армейский корпус, который дислоцировался в городе Иркутск. Даже от Казани, которая находилась на востоке европейской части России, до Москвы было 750 вёрст (≈ 800 км), а уж до Иркутска и вовсе в 5 раз дальше – 4200 вёрст (≈ 4500 км). Иркутск находился чуть западнее озера Байкал, не далеко было (на юге) и до Монголии. Но Анатолий на тяготы службы и отдалённость от родных мест (а родился он в Смоленске, где на то время служил отец) не жаловался. На некоторые упрёки мамы, что она с сестрой его почти не видят, он отвечал:

– Папа служил и на самом краю России, почему же я должен искать себе тёпленькие местечка. Как уж получилось, так и будет. Я офицер, и должен служить там, где больше нужен России. Да и не вечно же я буду служить в Сибири, попаду и в европейскую часть.

И он, действительно, через пять лет попал в европейскую часть, и угодил прямо в гущу военных событий.

За год до окончания юнкерского училища, в 1908-м году Анатолий познакомился с очаровательной девушкой. Произошло это случайно во время его воскресного увольнения. Про-

гуливаясь по набережной Волги, Комаров столкнулся с группой учениц местного Института благородных девиц, которых сопровождала какая-то классная дама. Барышни весело щебетали, и одна из девушек (лет 14-16-и) постоянно скашивала свои глазки в сторону симпатичного юного военного. Девушка также понравилась Анатолию. Это была, наверное, его первая серьёзная влюблённость, ему сейчас было всего лишь 18,5 лет. В Воронеже, обучаясь в гимназии и год после неё, он дружил с одной из знакомых девушек (жили по соседству). Но, поступив в юнкерское училище, он о ней как-то довольно легко забыл, и даже не встречался с ней, приезжая летом на побывку. За два года учёбы в училище новой пассии у него так и не появилось. А вот эта девушка чем-то зацепила его. Он некоторое время шёл чуть в стороне позади группы воспитанниц, надеясь каким-нибудь образом познакомиться с девушкой. Вот только порядки в женских учебных заведениях были, наверное, пожёстче, чем в военных – классная дама ни на шаг не отпускала своих воспитанниц и не давала никому приближаться к ним. И вот когда Комаров понял, что у девушек прогулка завершается, – они начали направляться в сторону своего института, – он неожиданно для себя решился на отчаянный поступок. Обогнав группу девушек, юнкер предстал перед их воспитательницей. Он вскинул в приветствии руку к своему головному убору и громко выпалил:

– Разрешите представиться?! – и тут же, не дожидаясь ответа, отрапортовал. – Юнкер казанского училища Анатолий Комаров!

– Здравствуйте, юноша. Слушаю вас, что вы мне хотите сообщить?

– Разрешите познакомиться?

– С кем?

– В первую очередь с вами, мадам, – раздался дружный хохот девушек. Улыбнулась и строгая до того мадам.

– Меня зовут Инесса Францевна.

– Очень приятно познакомиться!

– Спасибо. Мне тоже приятно. И что дальше? – девушки продолжали хихикать.

– Инесса Францевна! Можно мне немного пройтись с вами и поговорить с девушками?

– Со всеми девушками сразу? – насмешливо спросила дама, а девушки, не переставая хихикать, стали ещё и перешёптываться.

– Лучше, конечно, не со всеми сразу.

– А с кем конкретно? Вы же, наверное, знаете, что общение с юной дамой наедине воспрещено.

– Знаю. Но я хочу пообщаться в вашем присутствии.

– Хорошо, сделаю вам такое снисхождение. Вы воспитанный и довольно приятный человек. С кем вы хотите познакомиться?

Указывать на девушку пальцем было бы верхом неприличия, поэтому Анатолий повернулся к девушкам (повернулась и классная дама) и сказал:

– Я хотел бы познакомиться с девушкой, которая стоит во втором ряду, третья слева.

Приглянувшаяся ему барышня предпочитала стоять в гуще своих подружек, не выделяясь среди них. После слов Анатолия её лицо залилось пунцовой краской. Но хихиканье девушек моментально смолкло. Все они, быстро определив объект внимания кавалера, бросали свои удивлённые, с различными эмоциями, взгляды на подружку.

– Анна, подойди ко мне, – приказала дама девушке. Та предстала перед глазами дамы и Комарова.

– Юнкер казанского училища Анатолий Комаров! – в отличии от представления даме, молодой человек просто щёлкнул (как на балу) каблуками и кивнул головой.

– Анна Тимофеева, воспитанница института благородных девиц, – тихо промолвила девушка. Её подруги с любопытством, но уже без смеха, наблюдали за парой, тихонько перешёптываясь.

– Анна, если ты не желаешь разговаривать с молодым человеком, то можешь, поблагодарив его за внимание, вернуться к девушкам.

Анна, опустив голову, молчала – не могла же она сказать, что молодой человек ей очень нравится, и она очень желает с ним пообщаться. Дама прожила немало лет, а потому прекрасно всё поняла:

– Хорошо, можете общаться в моём присутствии. Молодой человек, я разрешаю вам прогуляться вместе с нами и поговорить с Анной. Я не буду прислушиваться к вашим разговорам, но вы должны быть в поле моего зрения.

– Спасибо! Большое спасибо, Инесса Францевна.

И дальше Анатолий с Анной продолжили прогулку уже вместе, чуть в стороне от классной дамы, но и не в гуще других барышень. Прогулка завершилась у стен института благородных девиц, который был расположен в центре города. Анатолий ещё раз поблагодарил Инессу Францевну, и попрощался с ней, Анной и другими девушками. Уходя, он не мог знать, что многие из девушек со вздохом украдкой оборачивались ему в след. А вот окрылённая встречей с юношей Анна, собрав волю в кулак, не позволила себе оглядываться. Она счастливая тихонько, молча, шла, даже не отвечая на расспросы подружек. Вот для неё это и была самая что ни на есть первая влюблённость, первая и на всю жизнь, как думала Аня.

Казанский институт благородных девиц назывался ещё Родионовским институтом – в честь весьма состоятельной помещицы Анны Петровны Родионовой, которая в 1823-м году обратилась к вдовствующей императрице Марии Фёдоровне с просьбой принять от неё в дар на устроение института для девочек два своих имения с 414-ю душами крепостных и каменный дом. Сама Аня была из местной дворянской семьи, хотя и не особо зажиточной. Во время прогулки молодые люди о многом переговорили, стараясь получше познакомиться друг с другом. Они рассказали о себе, о своих родителях, об учёбе в своих учебных заведениях. Анатолий, например, с удивлением узнал, что, если у них в юнкерском училище спальные места чаще всего назывались (по примеру армейских) *казармами* (хотя и не были на них похожи), то Анна с подругами ночевала в комнате, которая называлась *дортуар*.

Теперь встречи Анатолия и Анны стали регулярными. Конечно, к их большому сожалению, всё так же под присмотром классной дамы. Но, что поделаешь, нужно мириться с этим и благодарить Господа, что и такие встречи возможны. Правда, дважды Комаров уже бывал в стенах института благородных девиц (добротном 3-х этажном здании с высокими потолками, такими же высокими окнами и просторными помещениями) – на балу под Новый год и летом, в честь очередного выпуска девиц. Тогда выпускное торжество закончилось посещением воспитанницами Казанского монастыря с поклонением его святыне и совершения благодарственного молебствия. Выпускницей Казанского института когда-то была и сестра Л. Н. Толстого – Мария. Вот только Аннушка в этих стенах должна будет провести (отсчёт от лета) ещё целых пять лет. Анатолий в принципе не ошибся – на момент встречи Ане и в самом деле было всего лишь 14 лет (возраст шекспировской Джульетты), хотя она выглядела старше своих лет, окончит же она институт только в 1913-м году.

Анатолий, бывая ежегодно в отпуске, обязательно приезжал домой к маме и сестричке, но всегда выкраивал время, чтобы заскочить в Казань к Анне. При этом, часто бывая в Казани, он познакомился и был в хороших отношениях с соседом Аниных родителей. У того сын был на три года старше Анатолия, и тоже окончил казанское юнкерское училище. Когда Анатолий в первые годы своей службы приезжал в Казань к Ане, а та с разрешения руководства института проведывала своих родителей, то он часто разговаривал с Осипом Михайловичем Лебединским – таковы были реквизиты соседа. Темы их беседы чаще всего были направлены в русло военной службы, сын Осипа Михайловича, служа на Кавказе, не так уж часто навещал отца. Вот сосед и выспрашивал у молодого офицера Анатолия Комарова о том, что нового на военной ниве.

Знала уже о возлюбленной сына и мама Анатолия, с интересом расспрашивала брата об Анне сестричка. И они также знали, что Анатолий и Анна пообещали друг другу обязательно пожениться, как только Аня окончит институт. Так оно и произошло. Через пять лет после первой встречи с Анной Анатолий Комаров женился, а под конец этого же года он получил звание поручика. Пять лет – большой срок, а потому было несколько странно, что Анатолию за время службы не приглянулась другая женщина, да и Анна на момент их знакомства была просто девчушкой. Но слово, данное друг другу, он и Анна сдержали. К тому же российского офицера всегда отличало умение держать своё слово. Свадьба проходила в Казани, очень постарались с её организацией Анины родители. Конечно, на свадьбе присутствовали и мама Анатолия с дочерью Елизаветой, уже тоже девицей на выданье – исполнилось восемнадцать лет. Осенью этого года Лиза планировала стать студенткой Воронежского сельскохозяйственного института императора Петра I-го, учреждённого в прошлом году и открытого как раз в год свадьбы её брата. А менее чем через месяц Анна Михайловна Тимофеева (сейчас уже Комарова) со своим мужем отправилась в далёкий Иркутск, к месту службы супруга. И ехала она в чужой ей край с радостью – главное это то, что она будет вместе со своим любимым Анатолием. Вот когда Анна искренне, всем сердцем, поняла жён декабристов, о которых украдкой с девушками читала. Но она-то ехала не на каторгу, да и вообще – с милым рай и в шалаше. Вот только прожить вместе молодой семье довелось всего лишь один год, а потом их разлучила война.

Анатолий по пути на фронт завёз свою жену в Казань к её родителям, обещая непременно высылать ей деньги или денежный аттестат. А как же мама и сестрёнка самого Анатолия? За них он волновался меньше, поскольку мама получала очень даже неплохую пенсию (за супруга) по потере кормильца. А сестра до недавнего времени получала по той же причине стипендию для обучения в гимназии. И теперь Комаров был более-менее спокоен за своих близких – Воронеж далеко от фронта, Казань тем более, и война сюда не докатится. Вот только на сердце была тревога – когда теперь удастся свидеться? Он верно предполагал, что война с немцами так быстро не закончится. Комаров ещё со стен училища знал (так их учили), что Германия очень серьёзный противник. Её армия отлажена как часовой механизм, да и вообще создавалось впечатление, что это государство работало только на войну. В Германии были очень хорошие военные специалисты и прекрасные инженеры, постоянно разрабатывающие новые машины и механизмы. Да Россия об этом и знала-то не понаслышке – во все времена в их стране было засилье приглашённых немецких специалистов, которые работали на процветание России не за страх, а за совесть. Да что там говорить об инженерах, если многие августейшие особы тоже были выходцами из Германии. Но сейчас, вопреки предположениям Анатолия, по стране катилась некая патриотическая волна по добровольному уходу на фронт. Объявление мобилизации в конце июля подняло на войну миллионы российских мужчин. В довоенных расчётах предполагалось, что какая-то часть призывников вообще не явятся на сборные пункты. Однако, напротив, в воинские присутствия явились и масса добровольцев. Явка на призывные пункты в целом по стране достигла девяноста шести процентов. Комаров отдавал себе отчёт в том, что это как раз прекрасно – такие вот патриотические настроения и готовность отдать свою жизнь за Отечество. Вот только безусые ещё юнцы призывного возраста не думали, что им придётся сложить головы – этот патриотический подъём был ничем не обоснован, просто в государстве на уровне простого народа царили шапкозакидательские настроения. Думал он об этом уже в поезде, который уносил его далеко на запад, в предписанную ему (свою) часть. А далее ему предстояли долгие годы мытарств в окопах, и не только на фронтах первой мировой войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.